

Мариночка, кусая губы, проверяла самостоятельные работы своих учеников. В основном с формулами химических реакций все управились хорошо. С одним только исключением. Антон — способный парень, вполне способный на красный диплом, опять написал какую-то ерунду. Молодой учительнице было обидно. Видный, высокий, плечистый, несколько самоуверенный ученик мог бы стать ее гордостью, и в случае изменения его отношения к своему предмету, именно она могла бы сказать, что дала ему путевку в жизнь.

Была, правда, еще одна особенность в их отношениях. Антон всегда смотрел на нее так, как не смотрят на учительницу. Мариночка знала, что на нее посматривают мужчины.

Внушительная грудь, тоненькая талия, длинные стройные ножки и лучистые глаза с длинными ресницами за стеклами очков привлекали мужские взгляды. Но грязь, связанная с отношениями с противоположным полом, всегда отталкивала молодую учительницу от каких-либо романов. И в школу она приходила в подчеркнута нейтральной одежде. Но что делать, если любая блузка или тонкий свитер — всегда натянута на груди, а юбка, хоть и ниже колена, но сидит на бедрах, как влитая? «Изыяны», по мнению скромницы, фигуры — не скрыть, а носить балахоны — это тоже комплексы... Вот и смотрел на нее Антон, как... мужчина. И даже хуже — с видом собственника. Хорошо еще эту особенность их отношений не видели соученики, а то бы ее авторитет, в первую очередь, как талантливой, хоть и совсем молоденькой учительницы, сразу бы упал ниже плинтуса...

На следующий день Мариночка попросила Антона зайти к ней после уроков.

Он пришел и, усевшись на краешек ее стола, нахально уставился на ее грудь. Как назло как раз сегодня Марина надела блузку с небольшим вырезом. Ее рука потянулась к краю воротника, чтобы прикрыть ключицы. Какой наглый, строптивый, юный, уверенный в своей неотразимости. Как обычно Мариночка несколько ступсевалась от его противной сексуальности, но взяла себя в руки и строго начала:

— Антон! Вчера я опять поставила тебе двойку! И как твоя учительница и классный руководитель, я хочу с тобой серьезно поговорить! Мне совершенно непонятно, почему ты только по одному моему предмету так плохо учишься...

— Это легко исправить, Марина Михайловна! — перебил учительницу Антон, пожав плечами.

— Да? И как же, интересно мне знать?

— Пожалуй, меня нужно немного простимулировать. А так... В принципе я все знаю.

— Да? Все знаешь? — скривила пухлые губки Мариночка. — Ну, тогда ответь мне, что такое полиэтилен?

— Полиэтилен — твердый материал, полупрозрачный, бесцветный, легче воды, при нагревании...

Марина с изумлением взглянула на своего ученика, чуть усмехавшегося задорной улыбкой.

— Хорошо... Тогда что-нибудь посложнее... При крекинге нефти образуется этилен. Какую простейшую аминокислоту можно из него синтезировать?

Обрадованная — трудный ученик ответил хоть что-то, — учительница с надеждой смотрела на Антона. Но тот молчал, только чуть улыбался.

— Что же ты? — огорчению Мариночки не было предела.

— Я же говорил, что меня надо простимулировать.

— Но как?

— Если Вы меня спрашиваете, то так!

Антон легко снялся с края стола и, зайдя чуть сбоку, вдруг взялся за грудь учительницы. Мариночка почувствовала, как стул стал уплывать из-под нее. Как это могло случиться? Как возможно в этой Вселенной, чтобы ученик трогал учительницу за грудь? Но мир не рухнул, а Антон по-прежнему держался за ее грудь. И что самое ужасное, поняла Мариночка, чувствуя, как краска стыда заливает ее пухлые щечки, не просто держится. А совершает некие манипуляции пальцами. Он ее мнет! Или тискает! Ее грудь, до которой дотрагивалось всего два мужчины, и то — после года ухаживаний. А тут...

— Прекрати, Антон! — чуть не плача прошептала Марина.

— Но мне это помогает сосредоточиться, — возразил ученик и вдруг стал рассказывать что-то про синтез аминокислот из нефти. Но его-то рука продолжала мять упругую грудь. Пускай между рукой парня и округлостью была блузка и поролоновая чашка лифчика, но пальцы по-прежнему сжимали податливую плоть, а теперь даже перекатывали ее как-то по-особенному. Так, что Мариночка неожиданно для себя вдруг почувствовала что-то странное между бедер.

Учительница едва могла понять, о чем говорит ученик. Все ее естество сосредоточилась на том, как бесцеремонно ее тискают. Без согласия, без стеснения, словно свою собственность. Не поэтому ли жарко стало между ножек — Антон не ухаживал, не спрашивал разрешения, не вел себя по-рыцарски, а просто ее тискал! Ему, видите ли, это помогает сосредоточиться!

— Прекрати, Антон! — Мариночка хотела, чтобы в ее голосе звучала строгость, но получился какой-то писк испуганной птички перед ужасной кошкой. Щечки пылали, реснички за стильными очками затрепетали, и вообще учительница чувствовала себя ужасно, готовая провалиться под землю от унижения и смущения.

— Уверены, Марина Михайловна? — Антон убрал руку от учительской груди и с грустью покачал головой. — Как скажете... А я так надеялся стать отличником по химии! Жаль... Только тут Мариночка, сосредоточенная на неподобающей для учительницы и ученика ситуации и собственных странных ощущениях, поняла, что в классе больше не звучат слова «Амины, синтез, химическая реакция...».

Это было ужасно! Она знала, что Антон может стать лучшим ее учеником. И самое главное, что только что это начало происходить. Только что ученик шпарил терминами, словно читал учебник!

— Что ты хочешь? — все еще не смея поднять глаз, пролепетала Марина. Как бы это ужасно не звучало, но перспектива получить лучшего ученика в школе, а то и в районе, стала казаться не такой уж безнадежной. Даже если придется позволить ему трогать себя за грудь. «Не обманывай себя, — сказала себе Мариночка, — не трогать, а тискать». Но мечта об ученике, впитывающем все, что она преподает, уже завладела всем ее существом.

— Что ты хочешь? — прошептала учительница, сама еще не понимая, как она может идти на компромисс в такой непристойной ситуации.

— Для начала, думаю, вы, Марина Михайловна должны согласиться, что не проявили только что достаточный талант педагога и едва не погубили в ученике тягу к знаниям.

Это было спорным утверждением! Если талант педагога заключается в том, чтобы ученик мял упругие увесистые шары преподавателя... Но с другой стороны обиженная и оскорбленная прикосновениями, она действительно забыла об обязанности всеми способами повышать

успеваемость в классе... И Мариночка пролепетала, опуская голову в раскаянии:

— Ты прав!

— Значит, вам полагается взыскание.

— Да-да, ты прав. Я должна понести наказание.

— Отлично! Кроме того, вы должны понимать, что мое стимулирование должно быть более серьезным.

— Да... — прошептала учительница, вновь ощущая, как запыльхали щечки, потому что вспомнила, как по-хозяйски распорядилась рука ученика ее грудью. Плюс к этому прозвучало, что «стимулирование должно быть более серьезным». Это наверное означает, что Антон будет трогать ее за обе груди. Какой позор! Слезы едва не брызнули из глаз Мариночки. Но поздно! Она уже сказала «Да»! И придется выпить эту чашу до дна. Унижению подвергнуться две груди, значит, две!

Но действия ученика по извращенности превзошли все ожидания. Он попросту запустил руку в ее вырез! Холодея от страха, Мариночка вдруг ощутила горячие мужские пальцы внутри лифчика! Теперь между ними и шелковистой плотью не было никаких препятствий! И ее также сжимали и мяли, словно Антона совершенно не смущало, что он трогает женщину, голую под нижним бельем.

Учительница замерла, не в силах пошевелиться. Она не могла поверить в происходящее. А когда до нее дошло, что ее ученик спокойно и уверенно, словно так и должно быть, совершает с ней бессовестные вещи, она поняла, что сопротивляться поздно. Во-первых, она сама разрешила; а во-вторых, это же могло помочь вырастить настоящего химика!

И Мариночка, едва живая от унижения и смущения, зажмурилась, позволяя ученику забавляться с собственной плотью.

Но это было еще не все! Пальцы парня, грубо исследующие ее тайны, вдруг сомкнулись на соске и жестко его сжали. Сосок отозвался болью и каким-то щемящим наслаждением, протиснувшись все тело, вплоть до промежности. Мариночка вскрикнула, но сдавленный в плену беспощадных пальцев, сосок не позволил ей даже подумать о сопротивлении. Как можно сопротивляться, если ее нежный, мягкий, чувствительный бугорок был совершенно безжалостно стиснут Антоном? Да, кстати, мягкий? О, что с ним сделал этот мальчишка?

Почему ей вдруг показалось, что его пальцы перекатывают твердую горошину, вместо бархатистого вялого бугорка?

Как в бреду Мариночка безропотно позволяла играть со своей грудью, и уже не от нее зависело, когда ученик вдоволь наиграется.

Наконец, Антон вытащил руку из блузки учительницы и протяжно вздохнул:

— Ну, что же, завтра на уроке я исправлю двойку на пятерку. На это вы, Марина Михайловна, меня простимулировали!

Мариночка занятая загадочным поведением своего тела — набухшие соски, томление между ножек и даже какая-то непонятная влажность в трусиках, — не сразу поняла, о чем говорит ученик. А когда поняла — похолодела. Получается, что вот это беспрецедентное обращение с ее телом — только на одну пятерку? На одну???. А она-то решила, что теперь уже заполучила в своем классе красный диплом! С оценкой 5 с плюсом по химии! Ей казалось, что это стоит потисканной груди и сжатого соска... Но, нет! Похоже, ей придется еще раз-другой ублажить своей грудью ученика! А если?... Мысли о большем Мариночка прогнала... Но как оказалось в дальнейшем — зря...

Впрочем, и сейчас для нее не все кончилось. Антон рывком поднял учительницу и провозгласил:

— А теперь наказание за недальновидность!

— Мне стыдно, — пролепетала Мариночка, сама не понимая, что имеет в виду — то ли, что не смогла обычными методами заставить ученика знать выучить предмет, то ли, что позволила ему так обращаться с собой, то ли, что между ее бедер уже полыхает странный пожар...

— Этого мало, Марина Михайловна! Вы должны прочувствовать все свои ошибки в воспитании подрастающего поколения!

— Я готова! — всхлипнула Мариночка, уязвленная в самое сердце упреком, как показалось справедливым.

— Чудесно! — воскликнул Антон. — Тогда поворачивайтесь и наклоняйтесь, обопритесь о стол руками.

— Ты уверен? — решила Мариночка бросить поверх очков жалобный взгляд на своего ученика.

— Да! За вас будет отдуваться ваша попка.

— Моя — что? — не поверила своим ушам учительница, но противиться не посмела, слишком велик был упрек.

— Прогнитесь! — Антон положил ей на спину руку и надавил. Мариночке пришлось отклячить попку, в который раз чуть не умерев от стыда.

Но этого было мало! Мальчишка задрал ей юбочку на бедра, открыв трусики — обычные хлопчатобумажные трусики, скрывавшие все ягодички полностью. «Как все запущено!» — пробормотал он, но Марина едва ли его услышала — закусив пухлую губку и зажмурившись, она просто оцепенела, потому что поняла, что похожа сейчас на тех шлюх, что видела как-то раз мельком, случайно нажав баннер на литературной страничке, где читала стихи. Они тоже развратно прогибались, показывали свою попку в неестественном виде. Очевидно, мужчинам это должно было нравиться. И теперь она стоит также! И даже ее юбка задрана, как у тех падших девушек!

Между тем, Антон взял с ее стола линейку и вдруг оттянул один конец, а потом отпустил. Линейка шлепнула по тугой попке. Глаза Мариночки распахнулись, а очки чуть съехали по маленькому носику. Во второй раз она ойкнула, совершенно потерянная от своих ощущений. (Специально для egoto.org— секситейлз.орг) Ее бил по попке линейкой собственный ученик, а она стоит в непристойной позе, с совершенно непотребно задранной юбкой и позволяет ему это! Хуже того, она понимает, что достойна наказания... И даже желает его, потому что оно справедливо! Тем более, что она после этого — просто шлюха, которую можно тискать за сиськи, именно за сиськи, в любое время. После третьего удара Мариночка застонала. От боли или от наслаждения? Она уже не понимала, слыша свист линейки и смачные шлепки. И только поправляла съезжающие на кончик носика очки...

Продолжение следует